

Белов Алексей Николаевич, студент бакалавриата, кафедра истории Нового и новейшего времени, Институт истории, Санкт-Петербургский государственный университет. Научный руководитель — к. и. н., доцент Т. Н. Гончарова.

E-mail: st106249@student.spbu.ru, alexis-de-belois@mail.ru

ВОСПРИЯТИЕ НАПОЛЕОНА В РОССИИ: ЭПИЗОД ВОЙНЫ IV КОАЛИЦИИ

Развивая концепции, опубликованные в предшествующем номере «Трудов кафедры истории Нового и новейшего времени», автор статьи рассматривает эволюцию образа Бонапарта в русском общественном сознании с конца 1806 г. по середину лета 1807 г. Проводится периодизация отечественного политического дискурса этой эпохи. Базируясь на данных синхронных источников: манифестов, памятников публицистики, журналов, газет и дневников, формулируются выводы о реакции государства и общества на те или иные политические события. Показано, что именно факт разгрома Пруссии и вступления Великой армии на бывшие польские земли стал спусковым крючком к началу полномасштабной идеологической кампании против императора французов. Совокупность обстоятельств вынудила Александра I пойти на беспрецедентные меры: начать созыв народного ополчения и объявить Наполеону «Анафему». Этот шаг породил новый этап в развитии российского антибонапартизма. Интенсифицировав пропаганду против Наполеона, с одной стороны, он в то же время существенно повлиял и на ее концептуальное содержание. Если на начальном этапе войны IV коалиции критика противника велась преимущественно с либерально-республиканских позиций, то в конце 1806 г. стало очевидно преобладание клерикально-легитимистской точки зрения. Тем не менее, идеология войны с «антихристом» оставалась неоднородной, включая в себя самые разнообразные элементы. Отделение Наполеона от «невинных» французов соседствовало с коллективным их порицанием, а обвинения в узурпации революционных достижений сочетались с подчеркиванием преемственности «корсиканца» по отношению к социальным потрясениям 1790-х гг.

Ключевые слова: Наполеон I, Александр I, война IV антифранцузской коалиции, русское общество, публицистика, периодика.

Belov Aleksei Nikolaevich, student of Baccalaureate, Institute of History, the Chair of Modern and Contemporary history, Saint-Petersburg State University, Saint-Petersburg, Russian Federation. Scientific adviser — PhD in History, Docent T. N. Goncharova.

E-mail: st106249@student.spbu.ru, alexis-de-belois@mail.ru

PERCEPTION OF NAPOLEON IN RUSSIA: EPISODE OF THE WAR OF THE FOURTH COALITION

Developing the concepts published in the previous issue of the “Proceedings of the Department of Modern and Contemporary History”, the author examines the evolution of the image of Bonaparte in Russian public opinion from the end of 1806 to the middle of summer 1807. The periodization of the domestic political discourse of this era is carried out. Based on data from simultaneous sources: manifestos, journalistic works, magazines, newspapers and diaries, conclusions are formulated about the reaction of the state and society to certain political events. It is shown that it was the fact of the defeat of Prussia and the entry of the Grande Armée into the former Polish lands that became the trigger for the beginning of a full-scale ideological campaign against the Emperor of the French. The combination of circumstances forced Alexander I to take unprecedented measures: to begin the convocation of the people’s militia and declare an “Anathema” to Napoleon. This step led to a new phase in the development of Russian anti-bonapartism. On the one hand, by intensifying propaganda against Napoleon, it simultaneously influenced its conceptual content. If at the initial stage of the war of the Fourth coalition, criticism of the enemy was conducted mainly from liberal-republican positions, then at the end of 1806 the predominance of the clerical-legitimist point of view became obvious. Nevertheless, the ideology of the war against the “antichrist” remained heterogeneous, including a wide range of elements. Napoleon’s separation from the “innocent” French was accompanied by their collective condemnation, and accusations of usurpation of revolutionary achievements were combined with an emphasis on continuity of the “Corsican” in relation to the social upheavals of the 1790s.

Keywords: Napoleon I, Alexander I, the war of the IV anti-French coalition, Russian society, journalism, periodicals.

Ранее нами было сделано заключение о существенных и разносторонних приготовлениях на российском идеологическом фронте, призванных побудить социум к участию в новом конфликте с Наполеоном¹. Настоящая статья, продолжающая данное исследование, посвящена развитию общественных взглядов непосредственно в период активных боевых действий.

Историография традиционно разделяет войну IV коалиции на два этапа: разгром Пруссии осенью 1806 г. и следующее за ним российско-французское противостояние, окончившееся встречей двух императоров в Тильзите². Подобная периодизация вполне применима и к рассмотрению эволюции взглядов русского общества на происходившие тогда события.

Наполеон — победитель Пруссии

Весьма своеобразным можно назвать отечественный политический дискурс от начала войны IV коалиции до первых эпизодов польской кампании. Под ними мы разумеем вступление французских авангардов в Варшаву и столкновения русских войск с Великой армией при Чарново, Пултуске и Голыmine³, произошедшие в середине декабря 1806 г. Поскольку стремительный разгром Пруссии стал неожиданностью для всех сторон конфликта, обновленная идеологическая система попросту не успела сформироваться. По этой причине продолжалось аккуратное пользование ее старыми элементами. По-прежнему продавались книги и памфлеты, негативно отзывающиеся об императоре французов. Однако новой литературы, затрагивающей схожие сюжеты, не создавалось. Концептуальная составляющая пропаганды была примерно такой же, как и во время перерыва между войнами III и IV коалиций. Ее основной смысл заключался в порицании «корсиканца Буонапарте» с республиканских позиций, а также его противопоставлении французской нации.

¹ Белов А. Н. Война или перемирие? Русское общество и Наполеон в 1805–1806 гг. // Труды кафедры истории Нового и новейшего времени. 2024. № 24 (1). С. 97–99.

² См., напр.: Sorel A. L'Europe et la Révolution Française. En 8 t. T. 7: Le Blocus Continental — Le Grand Empire: 1806–1812. Paris, 1902. P. 448.

³ Naulet F. Eylau (8 février 1807): La campagne de Pologne, des boues de Pultusk aux neiges d'Eylau. Paris, 2007. P. 70–92.

«Вестник Европы» тех месяцев значительно сократил упоминания о Наполеоне на своих страницах и лишь изредка величал императора французов дежурными эпитетами: «кровожадный»⁴, «алчный», «крамольный», «развратный»⁵. Принижались военные таланты противника⁶, а его успехи объяснялись превосходством в численности войск, называемых «ордами французскими, предводимыми своим Батыем»⁷.

Еще более явственна аналогичная ситуация в газетах. Последний номер «Московских ведомостей», в котором новостные колонки были представлены в довоенном формате, вышел 14 ноября⁸. Далее почти месяц издание печаталось со значительными сокращениями: какие бы то ни было описания международной обстановки в нем были минимальны. Новостные рубрики либо носили показной и малоинформативный характер⁹, либо и вовсе отсутствовали¹⁰. Лишь в начале декабря 1806 г. дозировано стали появляться первые сведения о поражениях армии Фридриха Вильгельма III¹¹. Как правило, они выходили вразброс по времени¹². Вероятно, это было призвано дополнительно запутать публику. По ним практически невозможно восстановить общий ход прусской кампании. Ни слова не говорилось ни о ее результатах, ни об их политических последствиях. Чуть более содержательными были столичные ведомости, однако смысл всей информации в них сводился либо к упрекам французского правительства в неисполнении своих обязательств¹³, либо к описанию бедственного положения Великой армии¹⁴. Впрочем, вместе с тем присутствовали и косвенные упоминания Наполеона как в нейтральном¹⁵, так и

⁴ Ода на войну // Вестник Европы. 1806. Ч. XXX. № 21. Октябрь. С. 30.

⁵ К русским // Вестник Европы. 1806. Ч. XXX. № 23. Декабрь. С. 181.

⁶ Исследование важной задачи: в последние времена более ли успели в военном искусстве французы, нежели немцы? // Вестник Европы. 1806. Ч. XXX. № 21. Октябрь. С. 65–66.

⁷ Известия и замечания // Вестник Европы. 1806. Ч. XXX. № 23. Декабрь. С. 236.

⁸ См., напр.: Из Парижа, Октября 8 // Московские ведомости. 1806. № 91. С. 1751.

⁹ Московские ведомости. 1806. № 92. С. 1772; № 93. С. 1794; № 94. С. 1813; № 95. С. 1840. Санкт-Петербургские ведомости. 1806. № 86, 88, 89, 92, 95.

¹⁰ Московские ведомости. 1806. № 96, 97.

¹¹ Из Саксонии, Октября 16 // Московские ведомости. 1806. № 98. С. 1896.

¹² См., напр.: Из Берлина, Октября 25 // Московские ведомости. 1806. № 100. С. 1934.; Из Берлина, Октября 14 // Московские ведомости. 1806. № 102. С. 1978.

¹³ Англия // Санкт-Петербургские ведомости. 1806. № 94. С. 1953.

¹⁴ Дорстен, Октября 13 // Санкт-Петербургские ведомости. 1806. № 96. С. 1974.

¹⁵ Из Любека, Ноября 12 // Московские ведомости. 1806. № 103. С. 2004.

в негативно окрашенном ключе. Последние сводились к весьма красочным оскорблениям: «кичливый», «предерзостный Фортуны сын», «коварная тварь», «гидра»¹⁶.

Данное обстоятельство, впервые ощутимо обозначившееся в российской пропаганде, позволяет прийти к следующим умозаключениям. Разумеется, при дворе Александра I о событиях под Йеной и Ауэрштедтом узнали довольно быстро. Однако делиться столь удручающими новостями с широкой общественностью не торопились¹⁷. Было непонятно, в каком направлении целесообразно развивать общественное мнение, поскольку неясной представлялась и судьба самого конфликта. Российским правительством всерьез рассматривались как варианты выхода Пруссии из войны, так и возможности нового присоединения к борьбе с Наполеоном Австрийской империи¹⁸. По этой причине решительные военные успехи французов ввели издателей и стоявших за их спинами чиновников в состояние неопределенности. С другой стороны, редакторы газет и журналов не спешили помещать на страницах своих изданий явный вымысел, называя победы Великой армии ее неудачами. Недавний опыт с битвой под Аустерлицем, когда русская периодика восклицала о поражении Бонапарта¹⁹, не должен был повториться. Опасно было бы в очередной раз рисковать репутацией, пошатнувшейся чуть менее года назад.

Единственный выход из сложившейся патовой ситуации — молчание. Имперская «вертикаль» находилась в ожидании официальной реакции на происходившие события, дабы затем рассмотреть актуальную политическую повестку в выгодном российской монархии свете.

Идеологическое противостояние с «антихристом»

Причины развертывания полноценной пропагандистской кампании против Наполеона в конце 1806 — первой половине 1807 гг. весьма многогранны. К факторам, свойственным более ранним периодам русско-французских отношений (личная неприязнь царя, борьба с «тираном», «узурпатором» и одновременно революционером на троне, стремление взять реванш за поражение под Аустерлицем), добавились еще более существенные предпосылки. После разгрома Пруссии император во главе Великой армии

¹⁶ Ода на случай высочайшего Е. И. В. Манифеста, изданного текущего года ноября 16 дня // Московские ведомости. 1806. № 96. С. 1860.

¹⁷ Sorel A. L'Europe et la Révolution... P. 90.

¹⁸ Ibid. P. 91.

¹⁹ Белов А. Н. Война или перемирие... С. 93–94.

оказался на территории бывшей Речи Посполитой. Встреченный поляками в качестве освободителя, он представлял теперь немалую угрозу и территориальной целостности России²⁰. Значительная часть земель некогда могущественной Польско-Литовской унии по итогам разделов 1772, 1793 и 1795 гг. перешла под власть российской короны. Однако местное население не теряло надежд на восстановление собственной государственности, все активнее связывая их с именем Наполеона. Сам полководец в письмах к архиканцлеру Империи Ж.-Ж.-Р. де Камбасересу отмечал «огромное рвение [поляков] к восстановлению своей независимости»²¹, их национальное единство²². Более того, открывавшаяся перспектива вторжения французов на территорию России также не могла не тревожить ее правящее сословие. Наконец, небезосновательными являлись и опасения о возможности для Бонапарта принести на штыках своей армии передовые достижения Французской революции.

По этим причинам Александр I пошел на беспрецедентный шаг: объявил о созыве народного ополчения²³. И для поднятия боевого духа самих ополченцев, и для объяснения причин их мобилизации помещикам необходимы были новые идеологические конструкты. На сей раз они приобрели религиозный характер, вылившись в объявление Наполеону некоего подобия «Анафемы». В ней он признавался предтечей антихриста и обвинялся в ряде «богопротивных замыслов и деяний»: отступлении от веры во время революции, принятии ислама в Египте и покровительстве иудеям²⁴. Столь радикальная идеологическая

²⁰ *Handelsman M.* Napoléon et la Pologne. 1806–1807: D’après les documents des Archives Nationales et des Archives du Ministère des Affaires Etrangères. Paris, 1909. P. 58–59.

²¹ CG6 — 13660. — À Cambacérès, archichancelier de l’Empire // Correspondance générale de Napoléon Bonaparte, publiée par la Fondation Napoléon. URL: <https://www.napoleonica.org/fr/collections/correspondance/CG6-13660.md> (дата обращения: 24.10.2024).

²² CG6 — 13690. — À Cambacérès, archichancelier de l’Empire // Ibid. URL: <https://www.napoleonica.org/fr/collections/correspondance/CG6-13690.md> (дата обращения: 24.10.2024).

²³ 22.374. — Ноябрь 30. Манифест. — О составлении и образовании повсеместных временных ополчений или милиции // Полное собрание законов Российской империи с 1649 года: в 55 т. Т. XXIX. 1806–1807. СПб., 1830. С. 892–897.

²⁴ 22.394. — Декабря 13. Синодский, в следствие Именного. — О обязанности духовенства при составлении земского войска или милиции, и о чтении по церквам сочиненного Синодом по сему случаю объявления // Там же. С. 928–929.

мера имела двойное значение. Побуждая к войне низшие слои населения России, она в то же время создавала почву для развития антибонапартистской идеологии в дворянской среде. Вместе с тем 13 (25) января последовал указ Сенату, учреждавший Комитет охранения общей безопасности. Этот межведомственный орган, фактически являвшийся тайной полицией, создавался специально для борьбы с французскими агитаторами и тайными агентами²⁵.

Неоспоримо существенное влияние перечисленных факторов на российскую публицистику. Если до этого момента книги выходили сравнительно редко, то теперь была издана полноценная серия пропагандистских опусов.

Каждый из них придерживался примерно одинаковых идеологических штампов. Посему представляется необходимым резюмировать их основное концептуальное содержание. «Буонапарте» теперь окончательно становился объектом всеобщего порицания²⁶. Он изображался слепым властолюбцем²⁷, не обладавшим чертами реального политика. Его успехи объяснялись лишь крайней степенью мобилизации французского общества и неисчислимыми военными потерями. В то же время ошибкой было бы назвать его человеком посредственным²⁸. Напротив, пропаганда придавала образу Наполеона мистические черты, делая его квинтэссенцией мирового зла и всех худших людских пороков²⁹. Поэтому ведение с ним войны признавалось священным долгом каждого богобоязненного христианина. В то же время поступки Бонапарта нередко высмеивались, что было призвано дополнительно десакрализировать его образ³⁰.

²⁵ Любезников О. А., Скрьдлов А. Ю. Тайная полиция в Российской империи в 1805–1807 гг.: пути реформирования и преобразовательные инициативы // Петербургский исторический журнал. 2015. № 1. С. 23–24, 29.

²⁶ Примечание на последнее послание Бонапарта к блюстителю Сенату своему. СПб., 1807. С. 20–29.

²⁷ Некоторые замечания на последнее послание Бонапарте к охранительному его Сенату, из Берлина 21 ноября 1806 года. СПб., 1807. С. 6–9.

²⁸ Тайная история нынешнего французского дома в письмах, писанных в продолжении августа, сентября и октября месяцев 1805 года: пер. с нем.: в 2 ч. СПб., 1807. Ч. II. С. 24–25.

²⁹ Реляция о знаменитой победе Бонапартия, одержанной над Гальским университетом в Саксонии. СПб., 1807. С. 5

³⁰ Тайная история нового французского двора и любопытные анекдоты, относящиеся до Сент-Клудского кабинета в Париже: пер. с фр. СПб., 1807. С. 54–59.

Интересно и восприятие исторического места Наполеона по отношению к Французской революции. С точки зрения российского антибонапартизма, он упразднил все лучшие ее достижения, оставив при этом лишь террор и смертоубийства в качестве элементов собственной политической системы³¹.

Столь же любопытен и взгляд на взаимодействие императора французов со своими подданными. С одной стороны, пропаганда пыталась всячески противопоставить их собственному монарху³². Не раз она именovala Бонапарта причиной всех бед французских граждан³³ и государства. В то же время очевидна попытка привить ненависть в среде русского общества и к народу Франции в целом, желание использовать в военных нуждах национальную идентичность³⁴.

Нередко российские памфлеты представляли собой переводы антинаполеоновских сочинений иностранных авторов³⁵. Таким образом реализовывалось стремление показать, что дело борьбы с Наполеоном имело общеевропейский характер. В целом, их концептуальная база сводилась к упомянутым выше положениям, что наводит на мысль об активном использовании зарубежной публицистики в качестве основы пропаганды Александра I.

С момента начала полномасштабной «войны перьев» резко изменился и образ Наполеона на страницах «Вестника Европы». Теперь сложно было найти иное титулование императора французов, кроме как «враг рода

³¹ Там же. С. 12–14.

³² О предустановленном погребении Наполеона Бонапарте и о новом капитуле Св. Дионисия. СПб., 1807. С. 10.

³³ Письмо французского адмирала Вильнева, писанное им поутру в день его самоубийства к Наполеону Бонапарте с прибавлениями введения немецкого издателя. СПб., 1807. 16 с.

³⁴ *Левшин В. А.* Послание Русского к французлюбцам. Вместо подарка в новый 1807 год. СПб., 1807. С. 4–17.

³⁵ См., напр.: Взгляд на политическое состояние Европы, в начале 1806 года, перевод с подлинника, напечатанного в Истинограде, Марта 1806 года. Второе издание, с присовокуплением Русских Анекдотов. СПб., 1807. 140 с.; Вот каковы Бонапарте и народ французский. Сочинено в Англии. СПб., 1807. 203 с.; Французы в Вене или Описание всех происшествий и поступков Бонапарте и войска его в Австрии, их там преступлений, опустошений, обманов и грабительств, начавшихся с самого их вступления в Вену. СПб., 1807. 88 с.

человеческого»³⁶. Сомнению подвергалось его психическое здоровье³⁷, а любые военные успехи объяснялись насильственной мобилизацией французских граждан³⁸. С точки зрения издателей журнала, Бонапарте — военный преступник, «вся жизнь которого есть длинный ряд злодейств и обманов»³⁹. Значительное место в пропаганде против императора французов занял и антисемитизм⁴⁰, подпитанный недавней «Анафемой». Также можем наблюдать продолжение тенденций к обвинению Наполеона в развязывании военных конфликтов и его отделению от французского народа⁴¹. Последняя, впрочем, плавно перетекала в порицание всех подданных Бонапарта: их поступки «бесчеловечны», а сами они «воздоены млеком разврата»⁴². В этом отношении весьма показательным начало одной из статей в 12-ом номере: «К сожалению, есть люди, которые все еще желают добра французам...»⁴³. Наконец, с точки зрения концептуальной продолжили свое развитие теории, противопоставлявшие законную монархию Александра I тирании и похищению престолов «ненавистного корсиканца»⁴⁴.

Схожие идеологические конструкты наблюдаем и в журнале «Гений времен», основанном в июне 1807 г. Французская нация там порицалась вместе со своим императором⁴⁵, который признавался более жестоким и гнусным, чем Тамерлан⁴⁶. Наконец, полководческие способности Наполеона оценивались весьма низко, а его деспотизм противопоставлялся военному гению и свободолюбию опального генерала Моро⁴⁷.

³⁶ Известия и замечания // Вестник Европы. 1807. Ч. XXXI. № 1. Январь. С. 72–75.; Замечания // Вестник Европы. 1807. Ч. XXXII. № 5. Март. С. 76.

³⁷ Известия и замечания // Вестник Европы. 1807. Ч. XXXI. № 1. Январь. С. 72.

³⁸ Там же. С. 75.

³⁹ Известия и замечания // Вестник Европы. 1807. Ч. XXXI. № 2. Январь. С. 152.

⁴⁰ Там же. С. 155; От митрополита Римских церквей в России Станислава Сестренцевича-Богуша // Вестник Европы. 1807. Ч. XXXI. № 4. Февраль. С. 305–307.

⁴¹ Примечания на послание Бонапарте в его Охранительный Сенат // Вестник Европы. 1807. Ч. XXXI. № 3. Февраль. С. 210–213.

⁴² Известия // Вестник Европы. 1807. Ч. XXXII. № 6. Март. С. 159.

⁴³ Чудо // Вестник Европы. 1807. Ч. XXXIII. № 12. Июнь. С. 271.

⁴⁴ Известия и замечания // Вестник Европы. 1807. Ч. XXXIII. № 11. Июнь. С. 232–235.

⁴⁵ Нечто о тайных читателях французов // Гений времен, 1807. Июнь. № 6. С. 22–24.

⁴⁶ Тамерлан и Бонапарте // Гений времен, 1807. Июнь. № 7. С. 25–26.

⁴⁷ Генерал Моро (Окончание) // Гений времен, 1807. Июль. № 15. С. 58–59.

Что касается «Ведомостей...», то ситуация на их страницах была чуть более динамичной. Общее количество информации являлось стабильно небольшим в течение всего указанного периода. Однако с ее содержанием произошли заметные метаморфозы:

а) Известия о ходе войны если и частично возвратились на страницы газеты, то оставались минимальными. Как правило, они сводились либо к принижению успехов противника⁴⁸, либо к описанию собственных военных подвигов⁴⁹. Финал кампании 1807 г. — победа французских войск под Фридландом — и вовсе был оставлен без внимания.

б) Резко увеличилось количество сообщений о военных преступлениях Великой армии, «бесчеловечных, постыдных и зверских»⁵⁰. Особой критике подвергалась официальная информация из французской печати, называемая «ложью» и «баснями»⁵¹. Вместо прежнего отделения Бонапарта от французов произошла персонификация всех их худших черт в лице императора⁵².

с) Пропорционально числу разобранных выше книг увеличилось и количество их рекламы, помещавшейся в «Ведомостях»⁵³. Интересно, что цены варьировались от 30 копеек до 3 рублей 40 копеек. Появление дешевых изданий, по всей видимости, объясняется государственным субсидированием пропагандистских памфлетов, стремлением распространить их путем повышения доступности.

В то же время прежними оставались те тенденции обличения Бонапарта, которые присутствовали и ранее. Теперь они лишь приобрели менее отчетливую форму⁵⁴.

Примечательна статья, помещенная в 42-ом номере «Московских ведомостей». В ней приводилось аналитическое рассмотрение «Буонапартевой» политики. «Похититель власти», по мысли авторов опуса, являлся главой «воинского образа правления». Посему делалось заключение о его

⁴⁸ Из Данцига, Февраля 10 // Московские ведомости. 1807. № 22. С. 492.; Разные известия // Санкт-Петербургские ведомости. 1807. № 22. С. 266.

⁴⁹ См., напр.: Прибавление к Санкт-Петербургским ведомостям // Санкт-Петербургские ведомости. 1807. № 5, 11.

⁵⁰ Из Кенигсберга, Февраля 21 // Московские ведомости. 1807. № 21. С. 463.

⁵¹ Данциг, Февраля 10 // Санкт-Петербургские ведомости. 1807. № 20. С. 240.

⁵² Анекдоты о Бонапарте // Московские ведомости. 1807. № 43. С. 963–964.

⁵³ Московские ведомости. 1807. № 22. С. 495; № 24. С. 549; № 33. С. 738; № 34. С. 756; № 43. С. 967.

⁵⁴ Смесь // Московские ведомости. 1807. № 52. С. 1134–1135.

нежизнеспособности: он «не может долго существовать; тетива у лука весьма крепко натянута, и вскорости должна оборваться»⁵⁵.

Наконец, газета стала рупором патриотической лирики, обличавшей «варвара», «змия»⁵⁶, предрекавшей «галлу» скорое «падение»⁵⁷. В форме од враг признавался гордым, надменным и злым⁵⁸. Таким же образом описывалось и его «бегство»⁵⁹.

Обратим внимание на тот факт, что новость о завершении войны была помещена именно в лирической форме: «...Усмирились галлы рьяные — / И из злых врагов соделались / Ныне вам друзьями, братьями!»⁶⁰

Следовательно, финальный этап рассматриваемого периода отличался резким нарастанием антинаполеоновского дискурса. Он имел эклектичный характер. К старым элементам критики «Буонапартия» слева (отделение его от французов, обличение деспотизма) добавились идеи, порицавшие императора с правых, клерикально-легитимистских позиций. Последнее постепенно вытесняло первое. Осуждению подвергалось «похищение» Бонапартом тронов, преемственность к революционным течениям. Негативное отношение распространилось на всю французскую нацию. Нередко пропаганда прибегала и к принижению полководческого искусства противника. В то же время Наполеон по-прежнему признавался незаурядным человеком, только теперь в отрицательном значении этого слова. Посему борьба с ним преподносилась как дело всеобщей необходимости, что соответствующим образом отражено и в дневниках той эпохи⁶¹.

Таким образом, война IV коалиции ознаменовала собой качественно новую фазу развития русского мнения о Наполеоне. В свою очередь она распадается на два этапа. До первого столкновения российских войск с Великой армией отечественная периодика и публицистика характеризовалась гибкостью и сдержанностью: рубрики о международной ситуации печатались в полупустом

⁵⁵ Воинский образ правления во Франции // Московские ведомости. 1807. № 42. С. 941.

⁵⁶ Ода на Новый год // Московские ведомости. 1807. № 1. С. 1–2.

⁵⁷ Ода на победу над Французами // Московские ведомости. 1807. № 1. С. 11.

⁵⁸ Стихи по случаю непрерывных побед над Бонапартием российскими победоносными войсками // Московские ведомости. 1807. № 11. С. 228–229.

⁵⁹ Ода на победу, одержанную вновь при Гейльсберге // Московские ведомости. 1807. № 49. С. 1077.

⁶⁰ Песня на замирение с французами // Московские ведомости. 1807. № 55. С. 1185.

⁶¹ См., напр.: Жихарев С. П. Записки современника / Отв. ред. Б. В. Томашевский. М., 1955. С. 287, 344.

виде, а новые книги не издавались. Пропагандистская система действовала по инерции межвоенного периода, ожидая дальнейших указаний начальства. Коренным образом все изменилось с момента вступления императора французов на бывшие польские земли. Со стороны государства были предприняты самые радикальные шаги, направленные на укрепление «информационного фронта». Очевидным становился переход от левой критики Бонапарта как «узурпатора и тирана» к порицанию его с правых позиций, видевших в образе императора французов порождение «кровавой революции». Более того, пропаганда, памфлеты и периодика приобрели отчетливо клерикальные черты, отправной точкой которых явилась «Анафема». Столь радикальный шаг со стороны государства, предпринятый в отношении его внешнеполитического противника, говорит о стремлении русского царя любой ценой одержать победу над Наполеоном, нежелании идти ни на какие компромиссы. Вместе с тем резко участились как негативные сведения о французском монархе в периодике, так и его описания в многочисленных памфлетах. Теперь он окончательно признавался «врагом рода человеческого», виновником всех бед и напастей. Трансформировалось и восприятие его места в обществе Франции: ныне Наполеон олицетворял собой сочетание всех пороков и преступлений французского солдата.

Тем не менее, ошибкой было бы говорить об однородности и непротиворечивости русской антинаполеоновской идеологии в период войны IV коалиции. Поспешно собранная из самых разнообразных смысловых конструктов, она содержала в себе порой взаимоисключающие компоненты. Легитимизм в ней соседствовал с республиканизмом, монархизм — с тираноборчеством, антисемитизм — с духом Просвещения. Иными словами, «война перьев» против императора французов велась всеми доступными на тот момент средствами. Предпринимались попытки привлечь к борьбе с Наполеоном людей самых различных взглядов и убеждений, сословий и нарождавшихся классов. Заметим, что, учитывая весьма негативную реакцию широких слоев русского дворянства на заключение Тильзитского мира⁶², попытки эти не остались бесплодными.

⁶² Литвиновская Ю. И. Тильзитский мирный договор 1807 года и русское общество // Научные труды Республиканского института высшей школы. Исторические и психолого-педагогические науки. 2022. № 22 (1). С. 308–311.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

Belov A. N. Vojna ili peremirie? Russkoe obshhestvo i Napoleon v 1805–1806 gg. [War or truce? Russian society and Napoleon in 1805–1806], in *Trudy kafedry istorii Novogo i novejshego vremeni* [Proceedings of the Department of Modern and Contemporary History]. 2024. № 24 (1). P.90–100. (In Russian)

Белов А. Н. Война или перемирие? Русское общество и Наполеон в 1805–1806 гг. // Труды кафедры истории Нового и новейшего времени. 2024. № 24 (1). С. 90–100.

Handelsman M. Napoléon et la Pologne. 1806–1807: D’après les documents des Archives Nationales et des Archives du Ministère des Affaires Etrangères. Paris: Félix Alcan, 1909. 280 p.

Litvinovskaja Ju. I. Til’zitskij mirnyj dogovor 1807 goda i russkoe obshhestvo [Tilsit peace treaty of 1807 and russian society], in *Nauchnye trudy Respublikanskogo instituta vysshej shkoly. Istoricheskie i psihologo-pedagogicheskie nauki* [Scientific works of the Republican Institute of Higher Education. Historical, psychological and pedagogical sciences]. 2022. № 22 (1). P. 306–313. (In Russian)

Литвиновская Ю. И. Тильзитский мирный договор 1807 года и русское общество // Научные труды Республиканского института высшей школы. Исторические и психолого-педагогические науки. 2022. № 22 (1). С. 306–313.

Ljubeznikov O. A., Skrydlov A. Ju. Tajnaja policija v Rossijskoj imperii v 1805–1807 gg.: puti reformirovanija i preobrazovatel’nye iniciativy [The Secret Police in the Russian Empire in 1805-1807: ways of reform and transformative initiatives], in *Peterburgskij istoricheskij zhurnal* [Petersburg historical journal]. 2015. № 1. P. 16–30. (In Russian)

Любезников О. А., Скрыдлов А. Ю. Тайная полиция в Российской империи в 1805–1807 гг.: пути реформирования и преобразовательные инициативы // Петербургский исторический журнал. 2015. № 1. С. 16–30.

Naulet F. Eylau (8 février 1807): La campagne de Pologne, des boues de Pultusk aux neiges d’Eylau. Paris: Économica, 2007. 273 p.

Sorel A. L’Europe et la Révolution Française. En 8 t. T. 7: Le Blocus Continental — Le Grand Empire: 1806–1812. Paris: Plon-Nourrit, 1902. 455 p.